

7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 103. Л. 122, 125, 128, Там же. Оп. 53. Д. 111. Л. 59, 60–61, 66–67об., 71, 75–82.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54. Д. 103. Л. 122, 125, 128, Там же. Оп. 53. Д. 111. Л. 59, 61, 75–81.
9. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 61, 76–81, Там же. Оп. 54. Д. 103. Л. 128, 151.
10. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. Л. 56–59, 62–63, 69–70, 72–73, 75, 85–87, 89; Там же. Оп. 54. Д. 103. Л. 123–124, 150, 153, 156–158.
11. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 53. Д. 111. ЛЛ. 56, 62–64, 73–75, 85, 88–89, Там же. Оп. 54. Д. 103. Л. 123, 127, 156–158, 163–164.

С.Н. Филимончик

ГОРОЖАНЕ КАРЕЛИИ И ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ В 1920-е гг.

Одним из наиболее ярких свидетельств противоречивости, незавершенности концепции нэпа как отхода от политики противостояния и насилия явилось продолжение политики гонений на церковь. Используя реальные противоречия между молодежью и старшим поколением, власти опирались на молодежь, как наиболее радикальную часть общества, психологически готовую к восприятию новых ценностей. Весной 1921 г. в Петрозаводске прошли агитсуды над церковниками. Выступая на них, общественные обвинители клеймили священнослужителей за «вражескую деятельность против народа, против советского государства». Диспут о религии с участием священника и руководителей секты евангельских прошел в Соломенском рабочем поселке. Диспут продолжался шесть часов и, по мнению комсомольцев, «закончился полным разгромом церковно-сектантских ораторов»¹.

Однако настроения участников этих собраний были далеко не однозначны. В сентябре 1926 г. в Петрозаводске на антирелигиозном диспуте в Летнем саду доклад делал бывший священник Калиновский. Его критика церкви, по мнению организаторов диспута, должна была выглядеть особенно показательной. Можно сказать, что оратор охотно играл отведенную ему роль. «Церковь, – заявлял Калиновский, – переживает агонию: ее добиывают не гонения, которые якобы происходят со стороны советской власти, а наука и просвещение». Хотя зал был переполнен, желающих участвовать в прениях не нашлось. Были поданы лишь записки «Почему Вы, бывший служитель церкви, теперь так хулите ее? – Вы безумец!» Лектор получил много злых записок, упрекающих Калиновского в материальной заинтересованности: «Сейчас Вы также зарабатываете на Боге как и раньше»².

После ареста патриарха Тихона руководство церковной жизнью в России попытались взять в свои руки обновленцы, избравшие Высшее цер-

ковное управление. На местах началась замена тихоновского аппарата сторонниками обновленцев. В Петрозаводске инициативная группа «Живой церкви» возникла в июне 1922 г. Ее возглавил настоятель Крестовоздвиженского собора протоиерей П. Дмитриев, он же стал уполномоченным ВЦУ. Летом 1922 г. прошли собрания горожан и духовенства для ознакомления с уставом и целями обновленческого движения.

Епископ Евфимий был отстранен от управления епархией, дважды подвергся аресту и был сослан в Надымский край. ВЦУ назначило новым главой епархии архиепископа Вологодского Александра (Надежина), бывшего в Петрозаводск весной 1923 г.

Раскол церкви внес смуту в ряды прихожан. В столице Карелии ситуация сложилась следующим образом. Причт и община Кафедрального собора признали своим духовным распорядителем назначенного им из Петрограда епископа Кронштадтского Венедикта, сторонника Патриарха Тихона. В Крестовоздвиженской церкви служил сторонник обновленчества архиепископ Александр, возведенный в 1925 г. в сан митрополита. Александр-Невскую церковь власти постановили передать обновленцам, но в 1925 г. приходской совет изгнал из храма священников-обновленцев.

И сторонники патриарха Тихона, и обновленцы пытались вести организационную и пропагандистскую работу среди верующих. И те, и другие рассылали воззвания, вели устную агитацию. В то время власти покровительствовали обновленцам. В 1925 г. на съезде духовенства и мирян – представителей ближайших к Петрозаводску тихоновских приходов был утвержден благочиннический совет. Его председатель священник Кафедрального собора протоиерей М. Ильинский начал активную работу по подготовке съезда благочинных. Но провести его не удалось. Священники М. Ильинский, Г. Громов и председатель соборного совета И. Росляков были арестованы и по постановлению особого совещания коллегии ОГПУ от 26 апреля 1926 г. высланы в Казахстан. В 1928 г. ОГПУ вновь не допустило проведение благочиннического съезда тихоновцев, отменив уже выданное разрешение.

В то же время местным обновленцам удалось провести ряд крупных собраний в Петрозаводске – два епархиальных (1923, 1925 гг.) и благочиннические (1924, 1928 гг.) съезды. У обновленцев остро встал вопрос о подготовке священнослужителей. На обновленческом съезде духовенства и мирян в сентябре 1925 г. оживленно дискутировался вопрос о необходимости открытия в Петрозаводске пастырской школы. Было принято решение открыть школу для подготовки пастырей для приходов в одном из кладбищенских храмов города, принимать на учебу молодых людей с 18 лет без учета классовой принадлежности, преподавателями пастырской школы

должны были стать городские священники. Однако эта идея осталась нереализованной.

В 1925 г. обновленцы начали выпускать свой журнал «Церковный вестник»³. Материально поддержал это издание член приходского совета Крестовоздвиженской церкви В.С. Кононов. Второй епархиальный съезд обязал каждую общину, находящуюся в ведении Синода, выписать «Церковный вестник».

Горожане, поддерживавшие патриарха Тихона, сплотились вокруг Кафедрального собора. В состав приходского совета Святодуховского собора, избранного в 1924 г., входило более 40 мирян. Приходской совет вел учет групп верующих, занимался изысканием финансовых средств, а также приобретением дров, масла, свечей и других необходимых собору вещей, проводил религиозные чтения и беседы с верующими, наблюдал за порядком во время богослужений и крестных ходов. В течение 1924 г. состоялось 21 заседание приходского совета, на которых прежде всего рассматривались хозяйственные вопросы.

Летом 1924 г. при содействии приходского совета был проведен капитальный ремонт Воскресенского собора. После того как в ночь на 30 октября 1924 г. Воскресенский и Петропавловский соборы сгорели, собрание верующих Святодуховского собора избрало комиссию, которая обратилась с ходатайством в ЦУКХ о разрешении восстановить утраченные храмы. Приходской совет стремился поддержать материально священнослужителей, выдавая им пособия на наем квартир, дрова, денежные пособия.

Работа приходского совета протекала в весьма неблагоприятных, тяжелых условиях. В конце 1924 г. 10 членов приходского совета были осуждены: 7 человек приговорили к заключению на срок от 3 до 6 месяцев, а трое были оштрафованы. В январе 1930 г. постановление исполкома Петрозаводского совета назвало Кафедральный собор «центром группировки враждебных трудящимся антисоветских элементов», поскольку в состав соборного совета входили бывшие царские чиновники, купцы, члены Карельского православного братства.

В отчете приходского совета указывалось, что усилия, прилагаемые к тому, чтобы содержать храмы в порядке, чистоте, часто натывались на равнодушие мирян и оказывались «напрасными трудами и расходами»: выбивались стекла, похищались ценные иконы, довольно слабо собирались добровольные взносы. В отчете приходского совета отмечалось, что «отношение некоторых верующих к нуждам св. храмов за истекший год не выдерживает никакой критики»⁴.

По признанию самих священнослужителей, верующие разделились «на два лагеря – тихоновцы и обновленцы... Переживаемое болезненное для

церкви время с каждым днем ставит на разрешение верующей массы новые вопросы, затруднения и недоразумения»⁵.

В этих условиях активизировалась антицерковная кампания. Весной 1926 г. в городе возникли первые ячейки Союза безбожников. К началу 1930 г. в Карелии насчитывалось 5327 членов СВБ – почти в 2 раза больше, чем численность членов ВКП(б) в республике в то время (2919)⁶. Во второй половине 1920-х гг. власти начали закрытие городских церквей. Первым в Петрозаводске был закрыт лютеранский храм. Большинство финнов в годы гражданской войны покинули Петрозаводск, и финская диаспора формировалась в 1920-е гг. фактически заново. В Карелию приезжали политэмигранты из Финляндии, многие из которых были сторонниками коммунистической идеи. Таким образом, лютеран в Петрозаводске было немного и защитить их было некому. Два последующих года ушли на обработку общественного мнения и организацию широкомасштабной кампании в пользу закрытия православных храмов.

Характерно, что решения о закрытии церквей должны были принимать собрания граждан. Антирелигиозная политика была построена таким образом, что способствовала формированию «двухмерного» восприятия власти. Многие рядовые верующие были убеждены в том, что гонения на них – это «козни» только местных властей. Они искренне верили в то, что Сталин, узнав о попрании свободы совести, встанет на защиту христиан. «У нас было шесть храмов, – писала председатель церковно-приходского совета Кеми А. Богданова, – Осталась... последняя святыня в г. Кеми – древний Успенский собор. Могут стереть с лица земли вековую святыню. Вступись, дорогой вождь и отец наш, отдай Успенский собор в г. Кеми нам, верующим... Единственный крест, еще не сброшенный, висится над Кемью. Разреши уж, глядя на него, умереть с надеждой Воскресения!!!»⁷

Несмотря на гонения, сохранялось массовое посещение церквей в дни религиозных праздников, достаточно высоким был авторитет духовенства среди населения. В конце 1920-х гг., по официальным данным, в Карелии числилось 49 780 человек верующих, поскольку в то время отнюдь не все верующие склонны были публично в этом признаваться, эти данные можно признать минимальными.

Примечания

1. Национальный архив Республики Карелия (далее НАРК). Ф. 2434. Оп. 1. Д. 3/24. Л. 3–5.
2. Красная Карелия 1926. 14–15 сентября.
3. Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2002. С. 27–33.

4. НАРК. Ф. 2961. Оп. 1. Д. 2/31, Л. 12–14.
5. Церковный вестник. 1925. № 2. С. 41–42.
6. Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984. Петрозаводск, 1985. С. 35.
7. Детчнев Б.Ф., Макуров В.Г. Государственно-церковные отношения в Карелии. Петрозаводск, 2001. С. 72–73.

Я.В. Цаплина (ЧГУ)

К ВОПРОСУ О ХРИСТИАНИЗАЦИИ ИНОРОДЦЕВ ЮЖНОГО УРАЛА В 30–50-е гг. XVIII века

Южноуральское национальное порубежье активно начинает интегрироваться в состав Российского государства с 30-х гг. XVIII в. Одним из аспектов данной интеграции были попытки христианизации нерусских этносов: башкир, татар, черемис, мари, чуваш и др. Проблема проведения политики христианизации в историографии освещалась не однократно, однако выводы о методах и масштабах обращения в православную веру делались с учетом ситуации в Поволжье в изучаемый период времени и не были лишены эмоциональности. Сложившееся положение позволяет сделать ряд замечаний по предложенной проблеме.

Программы освоения Южного Урала 30-е гг. не содержали пунктов, относящихся к насильственному крещению инородцев. Инструкция И. Кириллову предписывала: «кто б какой веры и народа ни был, озлобления не чинит», Привилегия городу Оренбургу позволяла будущим горожанам свободно содержать веру, почитать духовных персон, строить по своим законам церкви¹. Однако деятельность Оренбургской экспедиции спровоцировала одно из крупнейших восстаний, которое привело к коренному изменению планов освоения региона и крупномасштабным репрессивным мероприятиям со стороны российской администрации. Был затронут и религиозный аспект жизни башкир: сокращалось до четырех количество ахунов, ограничивались их права, тысячи жен и детей восставших отправлялись в центральные губернии и обращались в православие, смертная казнь участникам выступлений заменялась крещением. Необходимо отметить, что для российской стороны большее значение имела лояльность по отношению к власти, чем конфессиональная принадлежность. Не принимающие участия в выступлениях, как старшины, так и рядовые башкиры никакому давлению в религиозном плане не подвергались.

Оренбургский край большей своей частью находился в духовном ведомстве Казанского епископа, проводившего христианизаторскую поли-